

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В издательстве «Советский композитор» в серии «Музыкальный театр и его деятели» выходит книга, посвященная памяти выдающегося советского дирижера и музыкального деятеля, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий, профессора Николая Семеновича Голованова.

Сборник включает письма дирижера, воспоминания современников — М. П. Максаковой, Б. Э. Хайкина, Н. Д. Шпиллер... Особый интерес представляют впервые публикуемые высказывания дирижера — его автобиография, статьи, заметки. В том числе и наброски портретов крупнейших композиторов, певцов, музыкантов, многих театральных деятелей, с которыми ему довелось общаться. В книге они объединены под общим названием «Страницы воспоминаний». Некоторые из этих воспоминаний о великом русском композиторе С. В. Рахманинове, народных артистах СССР Н. А. Обуховой и М. П. Максаковой в сокращенном варианте предлагаем вниманию читателей «Вечерней Москвы».

М. П. МАКСАКОВА

...НАПРАВЛЯЯСЬ домой, я иногда заходил в ложу № 15 (бывшая царская ложа), чтобы взглянуть на спектакль. И тут я впервые увидел Максакову. Шла «Кармен», дирижировал Сук. Максакова своей замечательной игрой и артистичностью сумела сосредоточить на себе внимание всей публики Большого театра.

В «Царской невесте» Максакова пела Любашу, и ее артистические достоинства в том исключительно сильном составе исполнителей (А. Нежданова, В. Петров, С. Стрельцов, А. Савранский, В. Макарова-Шевченко) всех одинаково покоряли.

Характерно и примечательно то, что Мария Петровна никогда не имела настоящего меццо-сопрано, у нее по существу было сопрано без верхов. Но ее ведущая роль в Большом театре признавалась единодушно как художественным руководством, так и публикой. Мария Петровна завоевала в театре такое положение благодаря исключительной музыкальности, великолепной технике и дикции, прекрасной внешности и артистическому обаянию.

С. В. РАХМАНИНОВ

ПОМНЮ высокую, строгую фигуру Рахманинова, помню, как он выходил на эстраду, сосредоточенный и углубленный, весь музыкант «с головы до ног». Это был гениальный, неповторимый пианист после Листа и Рубинштейна. Сколько певучей, нежной кантилены, какая благородная гармония, какой размах техники, какой остро отточенный, чисто рахманиновский ритм!

Лист, говорят, брал две октавы (громные ручки), а Сергей Васильевич брал от «до» до «си» следующей октавы. Руки у него в жизни были вялые и мягкие; перед исполнением он грел их в теплой воде — я сам неоднократно видел и чувствовал, как вяло он здороваётся.

Зато на эстраде он так божественно играл октавами на фортиссимо и так нежно ласкал клавиши на пианиссимо, что его титаническую игру забыть уже было нельзя, на всю жизнь впечатлял. Его мастерство в этой области совершенно непостижимо, удивительно и непревзойденно. Он прославил своим поразительным мастерством русское имя во всем мире.

Мудрый, умный, с тонким вкусом, Рахманинов был одним из величайших мастеров дирижерской школы. В одной из рецензий Ю. Энгель писал: «Слушая, как Рахманинов проводит «Пиковую даму» или симфонию Чайковского, или сюиты Грига, думаешь: вот кто рожден дирижировать! Бросить все и дирижировать!».

Рахманинов по-новому, критически прочел «Ивана Сусанина», «Князя Иго-

ря», «Пиковую даму» и другие оперы, освободив их от штампов, рутин и тех дурных традиций, что, как ракушки, облепили остов большого корабля русской классической оперы.

Замечу, если Р. Вагнер впервые встал лицом к оркестру (а не к публике), то Рахманинов впервые в Большом театре поставил пульт на то место, где сейчас находится дирижер, у которого весь оркестр перед глазами. А ведь раньше как трудно было музыкантам, когда дирижер сидел к ним спиной, около суфлерской будки, ближе к певцам, и не было видно его глаз.

Сам Сергей Васильевич говорил: «Я никогда не мог решить, какое мое подлинное призвание — композитор, пианист или дирижер. Бывают моменты, когда кажется, что мне следовало бы быть только композитором, иногда я думаю, что я только пианист. Теперь, когда прожита большая часть жизни, меня постоянно смущает мысль, что, разбрасываясь по разным областям, я не нашел своего подлинного призвания». Вот она, скромность и взыскательность великого человека!

Н. А. ОБУХОВА

НАДЮШУ Обухову я помню студенткой консерватории — молодой, тоненькой, стройной, нервной, с «розами на щеках». Великолепно окончила консерваторию. Вдруг обнаружилось что-то вроде туберкулеза, и ей пришлось поехать на год-два лечиться в Италию. Там, на юге, около Неаполя, она научилась итальянским южным песням.

А. В. Нежданова сразу обратила внимание на ее исключительные вокальные способности. Стала брать в качестве партнерши; они ездили в Петроград, Харьков и Киев, где давали концерты.

Однако дядя ее, Сергей Трофимович Обухов, управляющий Московской канторой императорских театров, трехаршинный мужчина с прекрасным голосом, но без всяких способностей, не прижившийся в свое время на сцене Большого театра, всячески противился стремлению Неждановой вытянуть на сцену Надюшу. Он говорил: «Все Обуховы очень голосисты, но немзыкальны и не приспособлены к сцене. Все равно из нее ничего не выйдет». И муж Надежды Андреевны, и светская родня, кажется, потакали ему в этом.

Обухова поступила в Большой театр в один сезон со мной благодаря настоянию А. В. Неждановой. Как сейчас, помню ее Далилу в опере Сен-Санса: она выходила тонкой красавицей и прекрасно пела. Затем была очаровательная Весна в «Снегурочке», страстная Любаша в «Царской невесте». У меня она чудесно пела в «Пиковой даме», «Царской невесте», «Князе Игоре», в опере Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» (Клариче).